

Экономическая, социальная и политическая география
Дружинин А.Г.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ, СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

Научная статья

УДК 911.3: 355

doi: 10.17072/2079-7877-2025-3-20-30

EDN: XYTYNR

О «ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ» ГЕОГРАФИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Александр Георгиевич Дружинин

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Институт географии РАН, г. Москва, Россия,

alexdr9@mail.ru, Scopus Author ID: 7005628550

Аннотация. Утверждающийся geopolитический и геоэкономический полицентризм мицоустройства предполагает укоренение идеи о практической множественности моделей миропонимания, включая соответствующие географические представления. Цель статьи состоит в обосновании «территориальной определенности» географического мышления, рассматриваемой в двуединстве: 1) дифференциации природно- и общественно-географических условий и форматов его культтивирования; 2) множественности позиционно, политико-экономически и социокультурно обусловленных цивилизационных, государственных, этнотерриториальных, региональных и локальных представлений о пространственной организации общества в его взаимодействии с окружающей средой. Раскрыты сущностные тренды эволюции географического мышления (оикуменизация и детализация, сцентизация и гуманитаризация), изложены (с опорой на анализ обширного научного дискурса) его современные базовые компоненты. Показано, что «территориальная определенность» географического мышления выступает результирующей его территориальной детерминированности (в том числе неравномерности интеллектуальной, научно-исследовательской активности непосредственно сфере географических дисциплин) и стратифицированности (включая познание географических структур и процессов в рамках конкретных территориально-социальных общностей, их традиции, в их интересах). Акцентированы основные доминанты «территориальной определенности» географического мышления в современной России («природосмещенност», пролонгированная вестернизированность, административно-территориальная сфокусированность, москоцентризм и др.). Обоснованы концептуальные рамки формирования россиеориентированной географической картины мира, предполагающего, в частности, дальнейшее культтивирование и тиражирование в отечественной географии (приоритетно – в ее обществоведческой «ветви») феноменологических, гуманитарных, геокультурных и геософских подходов.

Ключевые слова: географическое мышление, пространственные закономерности, региональные особенности, национальная определенность, общественная география, геософия, Россия

Финансирование. Исследование выполнено в Институте географии РАН по теме ГЗ № FMWS-2024-0008 «Социально-экономическое пространство России в условиях глобальных трансформаций: внутренние и внешние вызовы».

Для цитирования: Дружинин А.Г. О «территориальной определенности» географического мышления // Географический вестник=Geographical bulletin. 2025. № 3(74). С. 20–30. DOI: 10.17072/2079-7877-2025-3-20-30. EDN: XYTYNR

ECONOMIC, SOCIAL AND POLITICAL GEOGRAPHY

Original article

doi: 10.17072/2079-7877-2025-3-20-30

EDN: XYTYNR

ON ‘TERRITORIAL CERTAINTY’ OF GEOGRAPHICAL THINKING

Alexander G. Druzhinin

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Institute of Geography of the RAS, Moscow, Russia

alexdr9@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1642-6335>, Scopus Author ID: 7005628550

Abstract. The growing geopolitical and geoeconomic polycentrism of the world order presupposes the rooting of the idea of practical multiplicity of worldview models, including the corresponding geographical representations. The purpose of the article is to substantiate the ‘territorial certainty’ of geographical thinking, considered in duality:

© 2025 Дружинин А. Г. Лицензировано CC BY 4.0. Чтобы ознакомиться с условиями этой лицензии, посетите сайт <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Экономическая, социальная и политическая география
Дружинин А.Г.

1) differentiation of natural and socio-geographical conditions and formats of cultivation of geographical thinking; 2) the multiplicity of positionally, politically, economically, and socioculturally determined civilizational, state, ethnoterritorial, regional, and local representations of the spatial organization of society in its interaction with the environment. The article discusses essential trends in the evolution of geographical thinking (ecumenization and detailing, scientization and humanitarization), identifies (based on an analysis of extensive scientific discourse) its modern basic components. It is shown that the ‘territorial certainty’ of geographical thinking is the result of its territorial determinism (including the unevenness of intellectual, scientific and research activity in the field of geographical disciplines) and stratification (including knowledge of geographical structures and processes within specific territorial and social communities, their traditions, obtained in their interests). The paper highlights the main dominants of the ‘territorial certainty’ of geographical thinking in modern Russia: ‘nature-oriented focus’, prolonged Westernization, administrative-territorial focus, Moscow-centrism, etc.). The conceptual framework for the formation of a Russian-oriented geographical picture of the world is substantiated, which presupposes, in particular, further cultivation and replication of phenomenological, societal, geocultural, and geosophical approaches in Russian geography (primarily in its ‘human geography’)

Keywords: geographical thinking, spatial patterns, regional peculiarities, national certainty, human geography, geopolitics, Russia

Funding: the research was carried out at the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences on the topic of state assignment No. FMWS-2024-0008 ‘Socioeconomic space of Russia in the context of global transformations: internal and external challenges’.

For citation: Druzhinin, A.G. (2025). On ‘territorial certainty’ of geographical thinking. *Geographical Bulletin*. No. 3(74). Pp. 20–30. DOI: 10.17072/2079-7877-2025-3-20-30. EDN: XYTYNR

Введение

Вопрос *географического мышления* (далее – ГМ), его культивирования, осмыслиения, действенного применения, тиражирования, развития – сердцевинный, экзистенциальный для географической науки, включая и ее обществоведческую составляющую. Именно так, «стержневой тематикой», виделось ГМ, в частности, Баранскому Н.Н., еще в 1938 г. отмечавшему, что «географически мыслит тот, кто в достаточной мере привык обращать внимание на различия от места к месту не только по природным условиям, но и по историческим судьбам» [6, с. 123].

В качестве приоритетной, методологически значимой для географической науки проблематика ГМ сфокусировано рассматривалась в трудах Кедрова Б.М. (акцентировавшего внимание на наличии особого способа познания – «географического метода» [33]), Алаева Э.Б. (в качестве признаков ГМ определявшего территориальность, комплексность, конкретность и обосновывавшего особую «геопространственную парадигму» [2]) и Костинского Г.Д. (продвигавшего идею «пространственности» как «особого типа упорядоченности мира» [35, с. 31]). Сущностным аспектам ГМ самостоятельное внимание уделяли Максаковский В.П., Трофимов А.М., Шарыгин М.Д., Чистобаев А.И., Столбов В.А., а также (делая акцент на критериях «географичности» исследований) Файбусович Э.Л. [66] и Тютюнник Ю.Г. (стремившийся философски осмыслить сам феномен географии) [64]. Значимые для конституирования ГМ попытки сформулировать общие «географические закономерности» предпринимались Родоманом Б.Б. и Ткаченко А.А.

Укоренение в отечественной постсоветской общественной географии идей и методологических установок постmodерна (в целом относительно робкое [8], подчас на периферийных, полумаргинальных основаниях) придало тематике ГМ новый, дополнительный импульс в рамках попыток (в русле гуманитаризации науки) сфокусированного исследования образов российского пространства (геополитических, политико-географических, геокультурных и др.) [26, 28], применения инструментария «критической геополитики» [34], разработки представления о геоконцептах [32], о нацеленной на анализ ментальности «этологической» [44] географии. И эти, казалось бы, сугубо частные, внутринаучные новации оказались весьма симптоматичными,озвучными глобальному тренду конца XX – начала XXI столетий, когда само мышление (понимаемое как «действие ума, разума, рассудка, представление чего в уме» [48], «процесс отражения объективной действительности в представлениях, суждениях, понятиях» [49], а также «процессуальность функционирования сознания» [50]) и явно, и в еще большей мере опосредованно стало ощутимым фактором геополитического и геоэкономического успеха, драйвером социально-экономической и научно-технологической динамики, обретая тем самым все четче различимые географически стратифицированные черты.

Разворачивающаяся на наших глазах очередная кардинальная коррекция миропорядка предполагает соответствующую трансформацию мировосприятия, в том числе в русле осознания такого имманентного свойства ГМ как его «*территориальная определенность*». Обоснование и концептуализация «территориальной определенности» ГМ (с акцентом на российские реалии, на отечественный научный дискурс) является целью данной статьи.

Экономическая, социальная и политическая география
Дружинин А.Г.

Географическое мышление: сущностные тренды и базовые константы

«Стараясь уразуметь мир, полагал культуролог и этнолог Клод Леви-Строс, ум действует способами, по виду не отличающимися от тех, что разворачивались в мире с начала времен» [41, с. 353]. И действительно, элементы «географичности» присущи человеческому мышлению на всех исторических этапах [3]; само же ГМ, подвергаясь все большей рефлексии (в том числе с определенного временного рубежа и саморефлексии в рамках собственно научного дискурса), перманентно видоизменялось, развиваясь в общем тренде эволюции общества в его сопряженности и взаимообусловленности с окружающей природной средой.

ГМ изначально оформилось, прежде всего, как осмысление некой местности (доступной восприятию) и положения в ней «наблюдателя» [42]. Совершенно справедливо в этой связи подмечается, что именно локализация лежит в основе географического миропонимания [64], а базовой его «ячейкой» выступает *место*, логичным образом трактуемое (например, Семёновым-Тян-Шанским В.П. [54]) в качестве основополагающего предмета географии.

Характерно, что места, местности в рамках ГМ не только идентифицируются и делимитируются, но и наделяются смыслами и именами. Именно обособляя феномен места (явственное всего воплощающего восходящую к гештальтизации целостность пространственного мышления [14]), человек воспринимает и переживает последнее «как свое, очень близкое, соответствующее своему масштабу, поскольку оно охватывается взором, контролируемо, это его «дом», его мир. Место определяется экзистенциально, а не метрически» [35, с. 36]. Феномен «места» объединяет его различаемый образ, картину, понятие, понимание, являясь, следовательно, в структуре ГМ «первичным» и основным. В этой связи, кстати, достаточно характерно и показательно, что одним из отправных, базовых в классическом евразийстве (системе в том числе географических представлений), оформившемся столетие назад в качестве особого видения России и ее места в мире [24], оказался именно вербальный конструкт «месторазвитие».

Трендовое для социально-экономической и геополитической истории нарастающее «уплотнение» мест при их усиливающемся взаимодействии сопровождалось: 1) все большим осознанием их множественности; 2) активизацией усилий по их обособлению; 3) расширяющимися возможностями и потребностями в их сопоставлениях; 4) пространственным «расползанием» мест, инициирующим идентификацию «мест внутри мест». Формирование и расширение Ойкумены (земной поверхности заселенной, вовлеченней в хозяйственный оборот, рефлексируемой сознанием) влекло за собой и фактическую *ойкуменизацию* ГМ, его прогрессирующую детализацию и компаративизацию, породивших в том числе представления о предопределенности и существенности учета различий «от места к месту» и поныне сохраняющих свое фундаментальное гносеологическое значение.

В фокусе ГМ (со второй половины XIX в. в существенной мере генерируемого и корректируемого соответствующей активно формирующейся системой научного знания, т.е. испытывающего *сцентизацию*, а следовательно, и *универсализацию*) оказалась локализация, ее идентифицируемые «бесконечности» (характерно в этой связи предложенное Бунге В. определение географии как «науки о местоположениях» [10, с. 203]), а также *географическая сопряженность и обусловленность* явлений земной поверхности. Значимость данных компонент в системе ГМ убедительно иллюстрируют взгляды Геттнера А., полагавшего, что предмет географии – «различия от места к месту вместе с пространственной связью рядом находящихся предметов; ни одно явление земной поверхности не должно мыслиться само по себе» [17, с. 119]. Акцент на пространственных различиях, пространственной структурированности (организованности), а также пространственных условиях и факторах «красной нитью» проходит в текстах ведущих представителей отечественной географии [29, 51, 68]; присущ он и зарубежной науке XX – начала XXI столетий (еще более инвариантной и изменчивой в своих когнитивных установках и предметных приоритетах), что полноформатно показал первоначально Саушкин Ю.Г. [52], а впоследствии столь же детализированно и Смирнягин Л.В. [56].

Осмысливая свой расширяющийся и одновременно испытывающий ускоренную дифференциацию предмет, география обретала «всеохватность» и в качестве своего краеугольного камня [47] принимала «игру масштабами». Утверждающаяся (наиболее динамично – с эпохи Великих географических открытий) в ГМ глобальность «соединяется с региональными и локальными уровнями» [62, с. 32], что выводит на авансцену представления о *территории* (некой целостности, вмещающей регионы-районы в качестве своих обособленных составляющих [35]) и *пространстве* (понимаемом преимущественно как «порядок взаиморасположения» [35], которые рассматриваются в качестве одних из наиболее важных понятий географии [56]).

В этой же когнитивной логике приоритетное внимание фиксируется на пространственных взаимоотношениях [54], районаобразовании, разнообразии, разномасштабности, иерархической соподчиненности [53], территориальной обусловленности и выраженности [61]. Культивируемая в рамках ГМ совокупность образов и «картин» (подпитываемых и развиваемых картографированием, так как еще столетие назад верно подмечено, что «хороший географ научается картографически мыслить» [54, с. 221]) дополняется системой понятий, категорий, учений и теорий (применительно к отечественной исследовательской традиции наиболее полно, как видится, проинвентаризированных Максаковским В.П. [46]). Значимое место в их ряду занимают инструментарий выявления центро-периферийных зависимостей, полимасштабный анализ (наиболее полно раскрытый в [60]), а также

Экономическая, социальная и политическая география
Дружинин А.Г.

понимание некой позиционной редукции (объяснения физических и функциональных свойств вещей через пространственное положение [51]).

Вмешая все новые и новые исследовательские инструменты, подходы и алгоритмы, ГМ обретает сложность, многомерность, демонстрируя черты относительно самостоятельного и целостного культурного феномена, в свою очередь неизбежным образом инкорпорируемого в пространство, зависимого от его детерминант, организаций. Это порождает существенные для общества эффекты одномоментной *гуманитаризации* ГМ и его *географизации*, требующие своего понимания и учета.

Ключевые факторы и аспекты «территориализации» географического мышления

Будучи ориентированным на отражение, осмысление и конструирование пространственных структур, отношений и процессов, феномен ГМ неизбежно испытывает не только их прямое, но и в еще большей мере опосредованное воздействие, предопределяющее некую «*территориализацию*»¹ *географического мышления*, обретающего таким образом свою *цивилизационную, государственную (страновую, национальную), этнотERRиториальную и региональную (местную) определенность*.

Понимание (и признание) обусловленности культивируемых человечеством идеей конкретными географическими обстоятельствами имеет пролонгированную, восходящую еще к Аристотелю [4] ретроспективу (хорошо просматриваемую в том числе в трудах Гегеля Г. [16] и Энгельса Ф. [71]) и многочисленных, выходящих за предметные рамки собственно современной *геософии* (подробнее об этом направлении см. [13, 59]) приверженцев, апеллирующих к «географии ума» [21, с. 124], к связи размышлений с «локализацией ее носителей» [11, с. 151], неизбежности «*опространствления*» [67] любого рода метафизических систем и онтологических моделей.

Схожей установки придерживаются и некоторые географы, регионоведы, обращая внимание как на формируемый конкретными территориально-локализованными культурами и государствами «заказ» на те или иные географические образы [27], на присущее региональным группам самостоятельное видение мира [72], так и на имеющее место влияние на научные идеи и исследовательские приоритеты конкретных социальных условий (что еще полвека назад подчеркивалось рядом ведущих представителей англо-американской географии [73]). Как констатирует Валлерстайн И., «мы не можем более притворяться, что ученые могут быть нейтральны, отделены от социальной реальности» [12, с. 330].

При этом в ГМ «территориализуемо» далеко не все, хотя и многое, что, в свою очередь, предопределяется совокупностью как эндогенных (присущих собственно ГМ), так и внешних обстоятельств. Так, в частности, *наиболее существенный «социальный запрос» на ГМ* (и возможность его развития, тиражирования) *обеспечивается крупнейшими, самыми сильными и активными государствами*, а также любого рода встроенными в их структуры «ядерными компонентами» социально-экономических и geopolитических центро-периферийных систем, сформировавших обширный (и, соответственно, вариативный по географическим характеристикам) ареал своего доминирования либо нацеленных на его формирование. Неслучайно первые научные географические общества возникли именно в юрисдикции ведущих и наиболее geopolитически активных европейских (мировых) держав XIX в.: Франции (1821 г.), Германии / Пруссии (1828 г.), Великобритании (1830 г.), России (1845 г.). Для развития ГМ, локализации генерирующих его центров существенна и акцентированная Вернадским В.И. (многократно проиллюстрированная далее Гумилевым Л.Н., обозначенная последним категорией «*пассионарности*») ситуация, когда «скопляются... в одной или многих странах богато одаренные личности, те, умы которых создают силу, меняющую биосферу» [15, с. 233].

«*Территориализация*» ГМ как *итог пространственной дифференциации общества, неравномерности (концентрации и поляризации) интеллектуальной, научно-исследовательской активности, в том числе в сфере географических дисциплин*, сочетается с логической *соотнесенностью приоритетов и структур ГМ с конкретной территорией* (страной, регионом), с ее физико- и общественно-географическими особенностями и характеристиками (в процессе спонтанной либо целенаправленной их рефлексии, отражения в сознании соответствующей территории-социальной общности). Неслучайно в этой связи именно в нашей стране зародилось учение о природной зональности, равно как и в соответствующем советском политико-экономическом контексте возникли представления о территориально-производственном комплексообразовании. В этом отношении весьма показателен вывод Родомана Б.Б., осмыслившего ареал генерирования (и корректной применимости) собственных идей: «*моя теоретическая география в сильнейшей степени отражает только Центральную Россию и Подмосковье*» [51, с. 476–477].

Подобного рода ситуации *территориальной детерминированности* (обусловленности) ГМ дополняются присущим ГМ проявлением его *территориальной структурированности*. Здесь имеется в виду прежде всего преимущественная процессуальная и институциональная *ориентация ГМ на «свою местность»* (город, регион, ареал локализации этноса, страны), также обособляемую и осмысливаемую в рамках принципа «*территориальной определенности*». Как полагал Барабанский Н.Н.: «*географы должны специализироваться по территории*» [7, с.

---

¹ Именно «*территориализацию*», учитывая, что охватываемые ГМ океанические и морские акватории по-прежнему остаются крайне слабо приспособленными для селитебного освоения и соответствующей локализации обеспечивающих культивирование, тиражирование и развитие ГМ социальных структур.

Экономическая, социальная и политическая география
Дружинин А.Г.

38]. Иной значимый аспект мышления в рамках *территориальных структур (территориально-социальных общностей)* – обусловленность ГМ (соответствующих образов, форматов, категорий) той или иной конкретной лингвистической системой (влияние языка на восприятие отмечал, в частности, Харви Д. [65]).

Цивилизационная, национальная и региональная «определенность» возникает и в связи с собственно использованием тех или иных образов-геоконцептов в качестве структурирующей основы ГМ (когда, по выражению Замятиной Д.Н. [26], географическое знание словно «географизирует» само себя). Таковыми выступают множественные, взаимно налагающиеся сетки районирования, подчас конфликтные представления об «исконных территориях», о сфере geopolитических интересов (с соответствующими картографическими проекциями и топонимикой), а также о разномасштабных «столицах» и их иерархии. Имеют место государственно и этнически «окрашенные» стереотипы и мифологемы ГМ, когда территории, мыслимые как «свои», становятся к тому же некими национальными символами, например Косово для Сербии, Крым для России и др. (прав В.Б. Бочарников, полагая, что «конструирование окрашивается тем, что представляется наиболее важным» [9, с. 106]).

Характерно, что наиболее выражена территориальная определенность ГМ в geopolитике, политической географии, культурно-географических исследованиях и в целом в сфере обществознания. «Следует помнить, отмечал Джонстон Р.Дж. в своем научноведческом трактате «География и географы», что и конкретная узкая общность [научной дисциплины – А.Д.], и общество в целом давлением своих традиций побуждают каждого из своих членов поступать некоторым, но вполне определенным образом» [22, с. 18–19]. Акцентируя данное обстоятельство, сложно обойти вниманием мнение Вернадского В.И., констатировавшего «разделение человечества на государственные сообщества разной морали» [15, с. 42] и при этом полагавшего, что «как религий, так и философий, поэтических и художественных выражений, здравых смыслов, традиций, этических норм очень много, может быть в пределе столько же, учитывая оттенки, сколько и отдельных личностей, а беря общее – сколько их типов. Но наука одна и едина» [15, с. 95].

Но «наука» по Вернадскому В.И. и в соответствии с превалирующим пониманием столетней давности – это прежде всего естествознание. Совокупность же гуманитарных подходов и предметов «естествоиспытатели» в ту эпоху от науки дистанцировали и воспринимали как «философию». И когда постулируется невозможность обособления, к примеру, «советской» науки [36, с. 6], это, скорее, полемическая максимума, справедливая лишь отчасти, в том числе применительно к ГМ, к географии. Последняя же, являясь системой знаний, по самой своей сущности *двуединна* («наука и ненаука» [19]), поскольку объединяет строгие когнитивные схемы и алгоритмы (стремящиеся к унификации и интернационализации) и специфические геоэкономические, geopolитические, геокультурно обусловленные подходы и установки, своего рода *геоидеологию* (категорию, как видится, раскрывающую суть данного явления, используемую в российском дискурсе все чаще и осмысленнее [25, 43]). Они проецируются, кстати, в том числе на предметную сферу физической географии, что достаточно убедительно иллюстрирует современная «климатическая повестка» (ее митигационная составляющая), тиражируемая государствами коллективного Запада, частью их интеллектуальных элит и зачастую (как подчеркивается [70]) игнорирующая природно-географические реалии. Как верно сказано: «география относится к числу наук, активно реагирующих не только на колебания хозяйственных запросов, но и идеологии как в глобальном, так и в региональном масштабе» [20, с. 18]. Любой рода географические идеи в данном контексте вмещают в себя некую «научную составляющую» (верифицированные взгляды и умозаключения), идеи псевдонаучные (ошибочные и просто лжен научные) и геоидеологемы, представляющие собой конструктивистский микс научных и квазинаучных (наукоподобных) идей, взглядов, представлений. Геоидеологемы (составляющие, компоненты геоидеологии) при этом формируются (конструируются), как правило, на основе научных географических идей и сами, в свою очередь, влияют (напрямую и опосредованно) на географическую мысль, ее страновые и региональные особенности эволюции.

Географическое мышление в современной России: полиаспектность «территориальной определенности» и её доминанты

Характерное для современной России (с неизменно присущими ей «специфическими чертами именно российской географии» [20, с. 6]) ГМ многоаспектно, противоречиво, по ряду аспектов дихотомично и подвержено достаточно ощутимым текущим метаморфозам.

Его «национальную определенность» в наибольшей мере воплощает особым образом высвечиваемый *образ огромной страны* (самой обширной на планете), ее протяженности, внутреннего природно-хозяйственного и социально-культурного разнообразия, наличия колossalных незаселенных пространств. Впрочем, эти же обстоятельства подчас воспринимаются и как проблема («... и дороги»), и как вызов («борьба с пространством» [18, с. 10]), и как барьер развития.

В целом слабая заселенность и хозяйственная освоенность территории страны (на данный момент шестикратно уступающей среднемировому показателю по плотности населения) породили в российском ГМ безусловный *природоведческий крен*, особо заметный как в текущих приоритетах Русского географического общества, так и в целом в научно-исследовательской сфере благодаря «диспропорции между естественно-историческим и общественным направлением в географии» [36, с. 7]. Подобная природоориентированность противоречиво сочетается с доминирующей в структурировании нашего национального ГМ ролью государства и его административно-территориальной «нарезки», «вертикали», порождающих «дискретно-иерархическое представление» [51,

---

Экономическая, социальная и политическая география
Дружинин А.Г.

с. 471], продуцирующих «видение плоскостное, одномерное» [1, с. 393], способствующих генерированию совокупности образов российского пространства в строгой увязке с общегосударственным центром, основными опорными базами развития страны, ее фронтирами и внешними рубежами.

Иная сопутствующая «определенность» ГМ связана с присущей России чрезвычайной общественно-географической значимостью «архипелага» крупнейших городов и их агломераций, ситуацией централизованности, фактическойmonoцентричностью пространства [30, 31], выводящей на авансцену феномены местоположения, размера, статуса, расстояния, близости-доступности и т.п. Современное ГМ воплощает также обусловленное урбанизацией и пролонгированными многовекторными миграциями «размывание» региональных идентичностей [39], детериорацию «местного типа» [57], социокультурной укорененности [58] (породивших симптоматичный, но в этнодемографических и geopolитических реалиях XXI в. все более неоднозначный в плане его признания тезис об «аспциальности» русской культуры [55]). Пролонгированная державность страны и ее более чем трехвековая вестернизированность (европейский вектор развития) обусловили одновременную *континентальность и глобальность ориентиров и образов*, особую значимость в их ряду неких «больших пространств», представления о которых («Евразии», «Европе», наконец самой России, ее макрорегионах, включая Сибирь, Урал и др.) тем не менее являются черты незавершенности, неустойчивости и конъюнктурности.

ГМ современной России по многим аспектам (включая и научно-образовательную составляющую) *москоцентрично*, но оно же зеркальным образом *периферийно*, ориентировано (образно и инструментально) на разномасштабные экзогенные центры, на различные форматы территориального «освоенчества» (чаще «вширь», чем «вглубь» [59]), причем, в отличие от советского периода, в приоритетном порядке – отнюдь не приарктических и сибирских пространств страны. На этом фоне имеет место фактическое игнорирование собственно пространственной специфики («ни в одной стране [как Россия – А.Д.], подмечают Котляков В.М. и Тишков А.А., нет такого нигилистического отношения к территории» [38, с. 15]), когда зачастую в обществознании и системе управления пространственные структуры (при всех их внутренних различиях) низводятся до «точки», единицы обобщенной информации (подтверждая тезис Леви-Страсса К.: «познание целого препятствует познанию частей» [41, с. 132]).

Актуальные geopolитические процессы и разворачивающееся в их русле (в том числе с опорой на интеллектуально-идеологическое наследие евразийства) осмысление России в качестве особой цивилизации создает предпосылки для *коррекции* российского ГМ (системы научных доктрин и алгоритмов, а также культивируемых социумом пространственных образов), в том числе в направлении обретения им большей степени *региональной (подчас муниципальной) специфиности* и относительной самостоятельности. В русле «поворота» России на Восток и особенно на Юг, дополняемого этнодемографической динамикой в пределах самой Российской Федерации, более четко в ГМ проявляется и *этническая, конфессиональная оптика*. Симптоматична в этой связи фраза, оброненная моей случайной попутчицей в поезде «Москва – Казань»: «Казань – лучший на свете город, поскольку там есть все, чтобы исповедывать Ислам, включая широкий выбор продуктов Халиль». Имеют место и этнорегиональные особенности в более масштабной и вынесенной за российские рубежи географической картине мира, например выявлена нашим исследованием [23] характерная для ряда северокавказских регионов сопоставимо позитивная (по сравнению с аналогичной выборкой по Ростовской области) оценка социально-экономической привлекательности Турции.

Заключение

В эпохи, характеризуемые любого рода природными и социально-экономическими турбулентностями, метаморфозами условий, форматов и целевых ориентиров человеческого бытия (а именно в такой ситуации пребывают сейчас и Россия, и мир в целом), на географов неизменно «появляется усиленный спрос» [54]. Степень успешности «ответа» общества (его территориально обособленных и организованных по этнокультурным, политико-географическим либо иным принципам составляющих) на возникающие вызовы во многом сопряжена при этом с развитостью ГМ, внятностью и адекватностью (в том числе соотнесенностью с реалиями и интересами конкретных территориальных общностей) конструируемой им географической картины мира. Извечный фундаментальный вопрос «территориальной определенности» ГМ, актуализируясь, является первостепенный прикладной аспект, что предполагает его дальнейшую детализированную проработку в системе географического знания. Применительно же к российской общественной географии (в системе географической науки в силу традиции и действующих институтов парадоксально-необоснованно остающейся на «вторых ролях», а в общепланетарном контексте – также все больше обретающей, к сожалению, черты периферийности) это, в свою очередь, требует дальнейшей гуманитаризации, культивирования феноменологических, геокультурных и геософских подходов, позволяющих осмысливать географическую рефлексию, ведя тем самым интеллектуальную игру «с бесконечно отражающими друг друга зеркалами» [12, с. 288]. Осознавая, что «наука – это не только объект сегодняшней деятельности ученого, сколько определенный механизм, который им управляет» [40, с. 114], важно приучиться видеть не только географические предпосылки появления и тиражирования тех или иных географических представлений и идей, но и в целом «территориальную определенность» структур ГМ, выстраивая в ее логике столь необходимой ныне *российориентированной* географической картине мира.

Экономическая, социальная и политическая география
Дружинин А.Г.

Библиографический список

1. Агафонов Н.Т., Алаев Э.Б., Лавров С.Б., Межсевич М.Н., Хорев Б.С. О современном состоянии и перспективных возможностях экономической и социальной географии // Известия Всесоюзного географического общества. 1988. № 5. С. 393–402.
2. Алаев Э.Б. Географическое мышление и геопространственная парадигма // Известия Всесоюзного географического общества. 1981. № 5. С. 419–422.
3. Алексеев В.П. Историческая антропология и этногенез. М.: Наука, 1989. 449 с. EDN: RURWBR
4. Античные риторики под ред. Тахо-Годи А.А. М.: Издательство Московского университета, 1978. 352 с.
5. Анучин В.А. Географический фактор и развитие общества. М.: Мысль, 1982. 334 с.
6. Баранский Н.Н. Что понимать под выражением «географическое мышление» // География в школе. 1938. № 2. С. 122–127.
7. Баранский Н.Н. Очередные задачи географии // Известия Всесоюзного географического общества. 1956. № 1. С. 36–43
8. Бочарников В.Н. Феномен гештальта в парадигме социально-экономической географии // Астраханский вестник экологического образования. 2012. № 3(21). С. 54–63. EDN: PUQLBB
9. Бочарников В.Н. Географическое мышление, культурная география и дикая природа // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2018. № 3. С. 105–116. DOI: 10.7868/S2587556618030111 EDN: XQLGQX
10. Бунге Б. Теоретическая география. М.: Прогресс, 1967. 279 с. EDN: ZBVREL
11. Быстров В., Дудник С., Камнев В. Русская религиозная геософия: опыт историко-философской реконструкции // Социологическое обозрение. 2016. № 3. С. 150–172. DOI: 10.17323/1728-192X-2016-3-150-172 EDN: WVJPJN
12. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М.: Логос, 2004. 368 с.
13. Ванчугов В. Географические предпочтения русской мысли в историко-философской ретроспекции // Тетради по консерватизму. 2015. № 5 С. 12–25. EDN: WELPIT
14. Веккер Л.М. Психические процессы. М.: Книга по Требованию. 2013. Т. 1. 330 с.
15. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление / отв. ред. А.Л. Яншин. М.: Наука, 1991. 270 с. ISBN: 5-02-003505-X EDN: KBQMGG
16. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. СПб: Наука. 1993. Кн. 1. 349 с.
17. Геттнер Альфред. География: её история, сущность, методы (Die Geographie, ihre Geschichte, ihr Wesen und ihre Methoden, 1927). Л.–М.: Государственное издательство, 1930. 416 с.
18. Гладкий Ю.Н. Евразийское «неудобье» как индикатор природной и социально-экономической специфики России // Известия Русского географического общества. 1998. Т. 130, Вып. 2. С. 6–12. EDN: VLTAPN
19. Гладкий Ю.Н. Гуманитарная география: понятийный статус и институционализация // Гуманитарный вектор. 2014. № 2 (38). С. 158–164. EDN: SFMPSB
20. Грицай О.В., Комляков В.М., Преображенский В.С. Меняющийся мир и эволюция географической мысли // Известия РАН. Серия географическая. 1994. № 6. С. 5–23.
21. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / пер. с франц. С.Н. Зенкина. 1998. СПб: Алетейя. 288 с.
22. Джонстон Р.Дж. География и географы: Очерк развития англо-американской социальной географии после 1945 года. М.: Прогресс, 1987. 368 с.
23. Дружинин А.Г., Иванова М.И. Турция как геостратегический партнер России: мнения Ростовских студентов // Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика: сборник научных статей / под ред. А.П. Катровского, В.Е. Шувалова, Т.И. Яськовой. Смоленск: Универсум. С. 753–760.
24. Дружинин А.Г. Идеи классического евразийства и современность: общественно-географический анализ. Ростов-н/Д: Изд-во Южного федерального университета, 2021. 270 с. ISBN: 978-5-9275-3665-8 EDN: KQJEXM
25. Дружинин А.Г. Дихотомии евразийства: общественно-географический анализ // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия Гуманитарные и общественные науки. 2024. № 2. С. 102–114. DOI: 10.5922/vestnikhum-2024-2-9 EDN: UMQINH
26. Замятин Д.Н. Политико-географические образы и geopolитические картины мира. Представление географических знаний в моделях политического мышления // Полис. Политические исследования. 1998. № 6. С. 80–91. EDN: ESCQGB
27. Замятин Д.Н. Россия и нигде: географические образы и становление российской цивилизационной идентичности // Философские науки. 2007. № 10. С. 72–90. EDN: ICCWXH
28. Замятин Д.Н. Постгеография: капитал(изм) географических образов // Социологические исследования. 2014. № 10 (366). С. 3–14. EDN: STFCXH
29. Исаченко А.Г. География в XX столетии (о некоторых расхождениях в оценке событий и достижений) // Известия Русского географического общества. 2000. Вып. 5. С. 20–28.
30. Каганский В.Л. Ландшафт. Империя. Россия // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 2 (11). С. 5–15. EDN: QCGULT
31. Калуцков В.Н. Культурно-географическое районирование России для образовательных целей // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 3. С. 51–66. EDN: SLQOOL
32. Калуцков В.Н. «Имя» в географии: от топонима к геоконцепту // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2016. № 2. С. 100–107. DOI: 10.15356/0373-2444-2016-2-100-107 EDN: VWECFZ
33. Кедров Б.М. О геометоде как особом способе познания // География в системе наук. Л.: Наука, 1987. С. 7–20
34. Колесов В.А. Критическая geopolитика: основы концепции и опыт ее применения в России // Политическая наука. 2011. № 4. С. 31–52. EDN: OKFDIT
35. Костинский Г.Д. Идея пространственности в географии // Известия РАН. Серия географическая. 1992. № 6. С. 31–40.
36. Комляков В.М. Географическая наука на пороге 90-х годов // Известия Академии наук СССР. Серия географическая. 1990. № 4. С. 5–16.

Экономическая, социальная и политическая география
Дружинин А.Г.

37. Котляков В.М. Мировой кризис конца 20 века и географическая наука // Известия Академии наук СССР. Серия географическая. 1995. № 5. С. 7–20.
38. Котляков В.М., Тишков А.А. Михаил Ломоносов и становление отечественной географии // Известия РАН. Серия географическая. 2011. № 6. С. 5–16. EDN: ONKDHH
39. Крылов М.П. Региональная идентичность в Европейской России. М.: Новый хронограф, 2010. 240 с. ISBN: 978-5-94881-109-3 EDN: QKJDFV
40. Кузнецова Н.И., Розов М.А., Шрейдер Ю.А. Объект исследования – наука. М.: Новый хронограф, 2012. 560 с. ISBN: 978-5-94881-202-1 EDN: SBXXOF
41. Леви-Строс К. Первобытное мышление / пер., вступ. ст. и прим. А.Б. Островского. М.: Республика, 1994. 384 с.
42. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 352 с. EDN: ZJUELZ
43. Лубский А.В. Геоидеологическая парадигма и геоидеологические ракурсы евразийских исследований // Гуманитарий Юга России. 2013. № 2. С. 152–160. EDN: SBLUBX
44. Любичанковский А.В. Базовые концептуальные подходы географического анализа ментальности населения // Географический вестник. 2023. № 2 (65). С. 26–35. DOI: 10.17072/2079-7877-2023-2-26-35 EDN: KIQUDG
45. Максаковский В.П. Научные основы школьной географии. М.: Просвещение, 1982. 96 с.
46. Максаковский В.П. Географическая культура. М.: ВЛАДОС, 1998. 414 с. ISBN: 5-691-00090-X EDN: ZDRTLJ
47. Машибц Я.Г. Тенденции развития географической мысли // Известия АН СССР. Серия географическая. 1990. № 4. С. 17–27.
48. Мысление. Мысль / Толковый словарь Даля. URL: <https://gufo.me/dict/dal/мысль> (дата доступа 1.02.2025)
49. Мысление / Толковый словарь Ожегова. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=15157> (дата доступа 1.02.2025)
50. Мысление. Новейший философский словарь. URL: <https://gufo.me/dict/philosophy/МЫШЛЕНИЕ> (дата доступа 1.02.2025)
51. Родоман Б.Б. «Поляризованный ландшафт»: полвека спустя // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2021. Т. 85, № 3. С. 467–480. DOI: 10.31857/S2587556621030122 EDN: SJVCUH
52. Саушкин Ю.Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика. М.: Мысль, 1973. 559 с. EDN: VJEHBR
53. Саушкин Ю.Г. Объективные законы диалектического взаимодействия различных форм движения материи, времени, земного пространства // Известия Всесоюзного географического общества. 1980. № 6. С. 530–536 EDN: ZEGSOR
54. Семёнов-Тян-Шанский В.П. Район и страна. М.-Л.: Государственное издательство, 1928. 311 с.
55. Смирнягин Л.В. Общественная география. Федерализм. Регионализм. публ. 1989–2005 гг. М.: КомКнига, 2005. 464 с. ISBN: 5-484-00061-0 EDN: QQMMKX
56. Смирнягин Л.В. Судьба географического пространства в социальных науках // Известия РАН. Серия географическая. 2016. № 4. С. 7–19. DOI: 10.15356/0373-2444-2016-4-7-19 EDN: WGYBSD
57. Сорокин П.А. Система социологии. Социальная аналитика: Учение о строении простейшего (родового) социального явления. М.: Наука, 1993. Т. 1. 447 с.
58. Стрелецкий В.Н. Регионализм как феномен культуры // Региональные исследования. 2011. № 3(33). С. 45–50. EDN: OHLLAL
59. Стрелецкий В.Н. Культурный регионализм в Европе и России: специфика двух типов культурных пространств // Многовекторность в развитии регионов России: ресурсы, стратегии и новые тренды. Институт географии РАН / отв. ред. В.Н. Стрелецкий. 2017. С. 14–30. EDN: ZFWIJF
60. Трайвииш А.И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф, 2009. 372 с. ISBN: 978-5-94881-085-0 EDN: SUOTFD
61. Трофимов А.М., Чистобаев А.И., Шарыгин М.Д. Общегеографические категории. ТERRITORIALNOST' // Известия Русского географического общества. 1995. Вып. 6. С. 1–10.
62. Трофимов А.М., Шарыгин М.Д. Общая география (Вопросы теории и методологии). Пермь: Пермский государственный университет, 2007. 494 с.
63. Тюгашев Е.А. География философии как дисциплинарная область метафилософии // Вестник Российской философского общества. 2024. № 1–2 (107–108). С. 41–52. DOI: 10.21146/1606-6251-2024-1/2-40-52 EDN: BAFNBS
64. Тютюнник Ю.Г. О феномене географии // Известия РАН. Серия географическая. 2010. № 6 С. 8–18 EDN: NDUJLX
65. Харвей Д. Научное объяснение в географии. М.: Прогресс, 1974. 502 с.
66. Файбусович Э.Л. Критерии географичности исследований в экономической и социальной географии // Известия всесоюзного географического общества. 1984. № 6. С. 515–518. EDN: TYYBCJ
67. Флоренский П.А. Абсолютность пространственности // Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. М.: Мысль, 2000. С. 274–296.
68. Шарыгин М.Д., Столбов В.А. Географическое мышление: новые грани проявления // Известия Всесоюзного географического общества. 1991. Т. 123, Вып. 3. С. 239–246.
69. Шарыгин М.Д. Общественная география в России: тернистый путь развития // Географический вестник. 2017. № 2 (41). С. 17–25. DOI: 10.17072/2079-7877-2017-2-17-25 EDN: YTOQID
70. Шупер В.А. Национальная идея: взгляд географа // Вопросы философии. 2021. № 8. С. 5–14. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-8-5-14 EDN: AJLLER
71. Энгельс Ф. Ландшафты // Сочинения. 2-е изд. / К. Маркс, Ф. Энгельс. М.: Политиздат, 1970. Т. 41. С. 74–81.
72. Dalby S., Ó Tuathail G. Rethinking geopolitics. L.: Routledge, 1998. 333 p.
73. Peet J.R. Radical Geography. Chicago: Maaroufa Press, 1977. 387 p.

Экономическая, социальная и политическая география
Дружинин А.Г.

References

1. Agafonov N.T., Alaev E.B., Lavrov S.B., Mezhevich M. N., Xorev B.S. O sovremenном состоянии и перспективных возможностях экономической и социальной географии [About the current state and promising opportunities of economic and social geography] // Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshhestva. 1988. № 5. S. 393-402
2. Alaev E.B. Geograficheskoe мышление и геопространственная парадигма [Geographic thinking and the geospatial paradigm] // Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshhestva. 1981. № 5. S. 419-422
3. Alekseev V.P. Istoricheskaya antropologiya i еtnogenез [Historical anthropology and ethnogenesis]. M: Nauka. 1989. 449 p.
4. Antichnye ritoriki [Ancient rhetoric] / sobranie tekstov, stat'i, kommentarii i obshchaya redakciya prof. A. A. Taxo-Godi. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 1978. 352 s.
5. Anuchin V.A. Geograficheskiy faktor i razvitiye obshhestva [The geographical factor and the development of society]. M: My'sl'. 1982. 334 s.
6. Baranskij N.N. Chto ponimat' pod vy'razheniem «geograficheskoe my'shenie» [What is meant by the expression "geographical thinking"?] // Geografiya v shkole. 1938. № 2. S. 122-127
7. Baranskij N.N. Ocherednye zadachi geografii [The next tasks of geography] // Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshhestva. 1956. № 1. S. 36-43
8. Bocharnikov V.N. Fenomen geshtal'ta v paradigme social'no-economicheskoy geografii [The phenomenon of Gestalt in the paradigm of socio-economic geography] // Astrakhanskij vestnik e'kologicheskogo obrazovaniya. 2012. № 3 (21). S. 54-63
9. Bocharnikov V.N. Geograficheskoe мышление, kul'turnaya geografiya i dikaya priroda [Geographical thinking, cultural geography and wildlife] // Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya geograficheskaya. 2018. № 3. S. 105-116.
10. Bunge V. Teoreticheskaya geografiya [Theoretical geography]. M.: Progress. 1967. 279 s.
11. By'strot V., Dudnik S., Kamnev V. Russkaya religioznaia geosofiya: op'y't istoriko-filosofskoj rekonstrukcii [Russian Religious Geosophy: the Experience of Historical and Philosophical Reconstruction] // Sociologicheskoe obozrenie. 2016. № 3. S. 150-172
12. Vallerstajn I. Konec znakomogo mira: Sociologiya XXI veka [The End of a Familiar World: The Sociology of the 21st Century]. M.: Logos. 2004. 368 s.
13. Vanchugov V. Geograficheskie predpochteniya russkoj my'sli v istoriko-filosofskoj retrospekcii [Geographical preferences of Russian Thought in Historical and Philosophical retrospect] // Tetradi po konservativizmu. 2015. № 5 S. 12-25
14. Vekker L.M. Psichicheskie processy` [Mental processes]: Tom 1. M.: Kniga po Trebovaniyu. 2013. 330 s.
15. Vernadskij V.I. Nauchnaya my'sl' kak planetnoe yavlenie [Scientific thought as a planetary phenomenon] / otv. red. A.L. Yanshin. M.: Nauka. 1991. 270 s.
16. Hegel G.V.F. Lekcii po istorii filosofii [Lectures on the history of philosophy]. Kn. 1. SPb: Nauka. 1993. 349 s.
17. Gettner Al'fred. Geografiya: eyo istoriya, sushhnost', metody` [Geography: its history, essence, methods] (Die Geographie, ihre Geschichte, ihr Wesen und ihre Methoden, 1927). Leningrad - Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 1930. 416 s.
18. Gladkij Yu.N. Evrazijskoe «neudob'e» kak indikator prirodnoj i social'no-economicheskoy specifiki Rossii [The Eurasian "inconvenience" as an indicator of the natural and socio-economic specifics of Russia]. II // Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshhestva. 1998. T. 130. Vy'p. 2. S. 6-12
19. Gladkij Yu.N. Gumanitarnaya geografiya: ponyatiyj i status i institucionalizaciya [Humanitarian geography: conceptual status and institutionalization] // Gumanitarnyj vektor. 2014. № 2 (38). S. 158-164
20. Griczaj O.V., Kotlyakov V.M., Preobrazhenskij V.S. Menyayushhijsya mir i e'voljuciya geograficheskoy my'sli [The changing world and the evolution of geographical thought] // Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya. 1994. № 6. S. 5-23
21. Delyoz Zh., Gvattari F. Chto takoe filosofiya? [What is philosophy?] / Per. s frants. S. N. Zenkina. 1998. SPb: Aletejja. 288 p.
22. Dzhonston R. Dzh. Geografiya i geografiy': Ocherk razvitiya anglo-amerikanskoy social'noj geografii posle 1945 goda [Geography and Geographers: An Essay on the Development of Anglo-American Social Geography after 1945]. M.: Progress. 1987. 368 p.
23. Druzhinin A.G., Ivanova M.I. Turciya kak geostrategicheskij partner Rossii: mneniya rostovskix studentov [Turkey as a geostrategic partner of Russia: opinions of Rostov students] // Social'no-economicheskaya geografiya: istoriya, teoriya, metody', praktika /Sbornik nauchnyx statej / pod red. A.P. Katrovskogo, V.E. Shuvalova, T.I. Yas'kovo. Smolensk: Universum. S. 753-760.
24. Druzhinin A.G. Idei klassicheskogo evrazijstva i sovremennost': obshhestvenno-geograficheskij analiz [The Ideas of Classical Eurasianism and Modernity: a Socio-geographical analysis]. Rostov-na-Donu: Izd-vo Yuzhnogo federal'nogo universiteta. 2021. 270 p.
25. Druzhinin A.G. Dixotomii evrazijstva: obshhestvenno-geograficheskij analiz [The Dichotomies of Eurasianism: a Socio-geographical analysis] // Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarny'e i obshhestvenny'e nauki. 2024. № 2. S. 102-114.
26. Zamyatin D.N. Politiko-geograficheskie obrazy` i geopoliticheskie kartiny` mira. Predstavlenie geograficheskix znanij v modelyax politicheskogo my'sheniya [Political and geographical images and geopolitical worldviews. Representation of geographical knowledge in models of political thinking] // Polis. Politicheskie issledovaniya. 1998. № 6. S. 80-91.
27. Zamyatin D.N. Rossiya i nigde: geograficheskie obrazy` i stanovlenie rossijskoy civilizational identity [Russia and Nowhere: Geographical images and the Formation of Russian civilizational Identity] // Filosofskie nauki. 2007. № 10. S. 72-90.
28. Zamyatin D.N. Postgeografiya: kapital(izm) geograficheskix obrazov [Postgeography: the capital of geographical images] // Sociologicheskie issledovaniya. 2014. № 10 (366). S. 3-14.
29. Isachenko A.G. Geografiya v XX stoletii (o nekotoryx raszozhdeniyax v ocenke soby'tij i dostizhenij) [Geography in the 20th century (on some discrepancies in the assessment of events and achievements)] // Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshhestva. 2000. Vy'p. 5. S. 20-28
30. Kaganskij V.L. Landshaft. Imperiya. Rossiya [The landscape. Empire. Russia] // Mezdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury'. 2013. № 2 (11). S. 5-15.

Экономическая, социальная и политическая география
Дружинин А.Г.

31. Kaluczko V.N. Kul'turno-geograficheskoe rajonirovanie Rossii dlya obrazovatel'nyx celej [Cultural-geographical zoning of Russia for educational purposes] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya. 2014. № 3. S. 51-66.
32. Kaluczko V.N. «Imya» v geografii: ot toponima k geokonceptu ["Name" in geography: from a toponym to a geoconcept] // Izvestiya Rossijskoy akademii nauk. Seriya geograficheskaya. 2016. № 2. S. 100-107
33. Kedrov B.M. O geometode kak osobom sposobe poznaniya [About geometry as a special way of cognition] // Geografiya v sisteme nauk. L.: Nauka. 1987. S. 7-20
34. Kolosov V.A. Kriticheskaya geopolitika: osnovy koncepции i op'y't eyo primeneniya v Rossii [Critical Geopolitics: fundamentals of the concept and experience of its application in Russia] // Politicheskaya nauka. 2011. № 4. S. 31-52.
35. Kostinskij G.D. Ideya prostranstvennosti v geografii [The idea of spatiality in geography] // Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya. 1992. № 6. S.31-40
36. Kotlyakov V.M. Geograficheskaya nauka na poroge 90-x godov [Geographical science on the threshold of the 90s] // Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya geograficheskaya. 1990. № 4. S.5-16
37. Kotlyakov V.M. Mirovoj krizis konca 20 veka i geograficheskaya nauka [The global crisis of the late 20th century and geographical science] // Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya geograficheskaya. 1995. № 5. S.7-20
38. Kotlyakov V.M., Tishkov A.A. Mixail Lomonosov i stanovlenie otechestvennoj geografii [Mikhail Lomonosov and the formation of Russian geography] // Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya. 2011. № 6, s. 5-16
39. Krylov M.P. Regional'naya identichnost' v Evropejskoj Rossii [Regional identity in European Russia]. M: Novyj xronograf. 2010. 240 s.
40. Kuzneczova N.I., Rozov M.A., Shrejder Yu.A. Ob'ekt issledovaniya – nauka [The object of research is science]. M.: Novyj xronograf. 2012. 560 s.
41. Levi-Stros K. Pervobytnoe myshlenie [Primitive thinking]. Per., vstup. st. i prim. A.B. Ostrovskogo. M.: Respublika, 1994. 384 s.
42. Leont'ev A.N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost' [Activity. Conscience. Personality]. Moskva: Politizdat. 1975. 352 s.
43. Lubskij A.V. Geoideologicheskaya paradigma i geoideologicheskie rakursy evrazijskix issledovanij [Geoideological paradigm and epistemological perspectives of Eurasian studies] // Gumanitarij Yuga Rossii. 2013. № 2. S. 152-160
44. Lyubichankovskij A.V. Bazovy'e konceptual'nye podkody' geograficheskogo analiza mental'nosti naseleniya [Basic conceptual approaches to the geographical analysis of the mentality of the population] // Geograficheskij vestnik. 2023. № 2 (65). S. 26-35
45. Maksakovskij V.P. Nauchnye osnovy shkol'noj geografii [Scientific foundations of school geography]. M.: Prosveshchenie. 1982. 96 s.
46. Maksakovskij V.P. Geograficheskaya kul'tura [Geographical culture]. Moskva: VLADOS. 1998. 414 s.
47. Mashbicz Ya.G. Tendencii razvitiya geograficheskoy my'sli [Trends in the development of geographical thought] // Izvestiya AN SSSR. Seriya geograficheskaya. 1990. № 4. S. 17-27
48. My'shlenie. My'sl' [Mind. Thought]/ Tolkovyj slovar` Dalya [E'lektronnyj resurs] <https://gufo.me/dict/dal/my'sl'> (data dostupa 1.02.2025)
49. My'shlenie [Mind]/ Tolkovyj slovar` Ozhyogova [E'lektronnyj resurs] <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=15157> (data dostupa 1.02.2025)
50. My'shlenie. [Mind] / Novejshij filosofskij slovar` [E'lektronnyj resurs] <https://gufo.me/dict/philosophy/MYShLENIE> (data dostupa 1.02.2025)
51. Rodoman B.B. «Polyarizovannyj landshaft»: polveka spustya ["Polarized Landscape": Half a century later] // Izvestiya Rossijskoy akademii nauk. Seriya geograficheskaya. 2021. T. 85. № 3. S. 467-480
52. Saushkin Yu.G. E'konomicheskaya geografiya: istoriya, teoriya, metody', praktika [Economic geography: history, theory, methods, practice]. M.: My'sl'. 1973. 559 s.
53. Saushkin Yu.G. Ob'ektivnye zakony dialekticheskogo vzaimodejstviya razlichnyx form dvizheniya materii, vremeni, zemnogo prostranstva [Objective laws of dialectical interaction of various forms of motion of matter, time, and terrestrial space] // Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshhestva. 1980. № 6. S. 530-536
54. Semyonov-Tyan-Shanskij V.P. Rajon i strana [District and country]. M.-L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 1928. 311 s.
55. Smirnyagin L.V. Obshhestvennaya geografiya. Federalizm. Regionalizm. publ. 1989-2005 gg. [Public geography. Federalism. Regionalism. publ. 1989-2005]. M: KomKniga, 2005. 464 s.
56. Smirnyagin L.V. Sud'ba geograficheskogo prostranstva v social'nyx naukax [The fate of geographical space in the social sciences] // Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya. 2016. № 4. S. 7-19
57. Sorokin P.A. Sistema sociologii. T.1. Social'naya analitika: Uchenie o stroenii prostejshego (rodovogo) social'nogo yavleniya [The system of sociology. Vol. 1. Social analytics: The doctrine of the structure of the simplest (generic) social phenomenon]. M.: Nauka. 1993. 447 s.
58. Streleczkij V.N. Regionalizm kak fenomen kul'tury [Regionalism as a cultural phenomenon] // Regional'nye issledovaniya. 2011. № 3 (33). S. 45-50.
59. Streleczkij V.N. Kul'turnyj regionalizm v Evrope i Rossii: specifika dvukh tipov kul'turnyx prostranstv [Cultural regionalism in Europe and Russia: the specifics of two types of cultural spaces] // V sbornike: Mnogovektornost' v razvitiu regionov Rossii: resursy', strategii i novy'e trendy'. Institut geografii RAN; Otvetstvennyj redaktor V.N. Streleczkij. 2017. S. 14-30.
60. Trejvish A.I. Gorod, rajon, strana i mir. Razvitie Rossii glazami stranoveda [City, district, country and the world. The development of Russia through the eyes of a regional expert]. M.: Novyj xronograf. 2009. 372 s.
61. Trofimov A.M., Chistobaev A.I., Sharygin M.D. Obshhegeograficheskie kategorii. I. Territorial'nost' [General geographical categories. I. Territoriality] // Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshhestva. 1995. Vy'p. 6. S. 1-10
62. Trofimov A.M., Sharygin M.D. Obshchaya geografiya (Voprosy teorii i metodologii) [General geography (Issues of theory and methodology)]. Perm': Permskij gosudarstvennyj universitet. 2007. 494 s.

Экономическая, социальная и политическая география
Дружинин А.Г.

63. Tyugashev E.A. Geografiya filosofii kak disciplinarnaya oblast` metafilosofii [Geography of Philosophy as a disciplinary field of metaphilosophy] // Vestnik Rossijskogo filosofskogo obshhestva. 2024. № 1-2 (107-108). S. 41-52.
64. Tyutyunnik Yu.G. O fenomene geografii [About the phenomenon of geography] // Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya. 2010. № 6. S. 8-18
65. Xarvej D. Nauchnoe ob``yasnenie v geografii [Scientific explanation in geography]. M.: Progress. 1974. 502 s.
66. Fajbusovich E`L. Kriterii geografichnosti issledovanij v e`konomiceskoi i social`noj geografii [Criteria for geographical research in economic and social geography] // Izvestiya vsesoyuznogo geograficheskogo obshhestva. 1984. № 6. S. 515-518
67. Florenskij P.A. Absolyutnost` prostranstvennosti [The absoluteness of spatiality] // Stat`i i issledovaniya po istorii i filosofii iskusstva i arxeologii. M.: My`sl'. 2000. S. 274-296
68. Shary`gin M.D., Stolbov V.A. Geograficheskoe my`shlenie: novy`e grani proyavleniya [Geographical thinking: new facets of manifestation] // Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshhestva. 1991. T. 123.Vy`p. 3. S. 239-246
69. Shary`gin M.D. Obshhestvennaya geografia v Rossii: ternisty`j put` razvitiya [Social geography in Russia: a thorny path of development] // Geograficheskiy vestnik. 2017. 2 (41). S. 17-25
70. Shuper V.A. Nacional`naya ideya: vzglyad geografa [The national idea: a geographer's view] // Voprosy` filosofii. 2021. № 8. S. 5-17
71. E`ngel`s F. Landshafty` [Landscapes] / Marks K., E`ngel`s F. Sochineniya. 1970. 2-e izd. M: Politizdat. T. 41. S. 74-81
72. Dalby S., Ó Tuathail G. Rethinking geopolitics. L.: Routledge. 1998. 333 p.
73. Peet J. R. Radical Geography, Chicago: Maaroufa Press. 1977. 387 p.

Статья поступила в редакцию: 17.02.25, одобрена после рецензирования: 12.05.25, принята к опубликованию: 12.09.25.

The article was submitted: 17 February 2025; approved after review: 12 May 2025; accepted for publication: 12 September 2025.

Информация об авторе

Александр Георгиевич Дружинин

доктор географических наук, профессор,
директор Северо-Кавказского НИИ экономических
и социальных проблем Южного федерального
университета,
344006, Россия, Ростов-на-Дону,
ул. Большая Садовая, 105;
ведущий научный сотрудник Института географии РАН
119017, г. Москва, Старомонетный переулок, 29, стр. 4.

Information about the author

Alexander G. Druzhinin

Doctor of Geographical Sciences,
Professor, Director of the North Caucasus Research
Institute of Economic and Social Problems
at the Southern Federal University;
105, Bolshaya Sadovaya st., Rostov-on-Don, 344006,
Russia;
Leading Researcher, Institute of Geography
of the Russian Academy of Sciences;
29, bld. 4, Staromonetny pereulok, Moscow,
119017, Russia.

e-mail: alexdru9@mail.ru